

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛИТУРГИЧЕСКІЙ ХА- РАКТЕРЪ ТАИСТВЪ.

При разсмотрѣніи общественнаго богослуженія апостольскаго времени ¹⁾ мы видѣли, что это богослуженіе, принимая догматически и литургически въ ветхозавѣтному богослуженію, какъ его пополненіе и завершеніе, въ то же время существенно отличалось отъ него какъ служеніе Богу въ духѣ и истинѣ, и въ себѣ самоѣ включало начала для самостоятельнаго развитія и образованія; видѣли, что евхаристія имѣла учредительное значеніе для христіанскаго богослуженія. Мы говорили также, что и другія таинства, концентрируясь около евхаристіи, имѣли точно такое же значеніе для всей послѣдующей исторіи христіанскаго богослуженія, хотя и не стояли, да и не могли еще стоять, въ живой органической связи съ общественнымъ богослуженіемъ. Вопросъ теперь въ томъ: имѣли ли дѣйствительно и могли ли имѣть учредительное значеніе для христіанскаго богослуженія и остальные таинства, какъ и евхаристія? По своему происхожденію представляютъ ли они явленія чисто самостоятельныя, собственно христіанскія, или же имѣютъ историческіе первообразы въ дохристіанскомъ культѣ? Въ самой природѣ своей заключаютъ ли они

основы для литургического развитія и образованія, и являются ли дѣйствительно въ первоначальной практикѣ и свящ. писаніяхъ какъ литургическіе акты? Ставимъ эти вопросы въ виду различныхъ мнѣній на этотъ счетъ. При этомъ очевидно догматическую сторону таинствъ мы предполагаемъ, какъ дѣло извѣстное и рѣшенное, касаясь ея только мимоходомъ, на сколько это нужно для нашей цѣли. Вопросъ о божественномъ происхожденіи таинствъ припадѣсжить догматикѣ, въ литургикѣ же занимаетъ второстепенное мѣсто. Для насъ важно не столько то, что таинства установлены Христомъ и апостолами, сколько то, въ какомъ видѣ представляются таинства въ писаніяхъ новаго завѣта, чтобы уяснить себѣ и оцѣнить дѣйствительное литургическое развитіе и образованіе ихъ.

Крещеніе, какъ извѣстно, было гранью, раздѣлявшею христіанъ отъ іудеевъ и язычниковъ, и только чрезъ него возможенъ былъ входъ въ царство Христово. Что крещеніе по существу своему явленіе собственно и исключительно христіанское, объ этомъ конечно не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ и некоторые западные ученые хотѣтъ видѣть въ крещеніи не что иное, какъ предполагаемое ими крещеніе прозелитовъ у іудеевъ и священныя омовенія народовъ языческихъ, упуская изъ виду различіе между внутреннимъ содержаніемъ, догматическою идеею и внѣшнею историческою формою явленія. По этому не только для догматики, но и для литургики интересно такое или иное рѣшеніе вопросовъ: существовало ли у іудеевъ въ христіанское время такъ называемое крещеніе прозелитовъ? Если существовало, то въ какомъ отношеніи стояло къ этому крещенію крещеніе Іоанново? Отличается ли и чѣмъ отличается крещеніе Іоанново отъ крещенія, установленнаго Иисусомъ Христомъ, и въ какомъ отношеніи послѣднее сто-

ить къ первому? Рѣшеніе этихъ вопросовъ для литургіи важно потому, что оно уяснитъ намъ историческое происхожденіе и форму христіанскаго крещенія.

Въ священныхъ книгахъ новаго завіта нѣтъ никакихъ указаній на существованіе у іудеевъ крещенія прозелитовъ. Но было бы слишкомъ поспѣшно и произвольно изъ этого молчанія выводить заключеніе, что оно вовсе не существовало. Свидѣтельства іудейскихъ писателей, тщательно собранныя Буксторфомъ, Зельдепомъ, Лигтфортомъ, Данцомъ, Зиглеромъ и др. слишкомъ многочисленны и опредѣленны, чтобы принимать ихъ за вымысль или ложь. Въ виду этихъ свидѣтельствъ, говоритъ Августинъ ¹⁾, существованіе крещенія прозелитовъ прежде христіанства отрицать нельзя ²⁾. Оно существовало, полагаютъ, съ того времени, когда стали различать два класса прозелитовъ. Первый классъ составляли прозелиты праведности (*gerim hasadek*, *προσηλύτοι τῆς δικαιοσύνης*), т. е. иноземцы или иноплеменники, которые чрезъ обрѣзаніе становились членами народа Божія и дѣлались участниками во всѣхъ правахъ и преимуществвахъ его. По новозавѣтному выраженію они исполнили всякую правду (*πάσαν δικαιοσύνην*, т. е. всѣ требованія закона) и стали равны съ природными іудеями. Почему они носили названія: *сыны завета* (*bene berith*, *בְּנֵי הַבְּרִית* или *тѣхъ τῆς διαθήκης*). Второй классъ составляли прозелиты вратъ (*gerim haschar*, *προσηλύτοι τῆς πύλης*). Они причислялись къ Израильскому народу и могли принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ у воротъ (*schar*, *πύλη* главныхъ воротъ — тоже, что

¹⁾ Augusti, *Denkwürdigkeiten* T. XII. § 29.

²⁾ Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говоритъ также Шене, что крещеніе прозелитовъ во время I. Христа было въ употребленіи у іудеевъ. *Geschichtsforschungen über die Kirchlichen Gebräuche und Einrichtungen der Christen*. I. Th. Berlin 1819. § 140.

foram у Римлянъ). Перваго рода прозелиты соответствовали civibus romanis; послѣдніе — municipiis и forensibus (въ позднѣйшемъ смыслѣ)¹⁾.

Для этого послѣдняго класса прозелитовъ иудейская евангелизмъ въ періодъ послѣ Маккавейскаго возстановленія культа и установила крещеніе (thebilath geruth, βίπτισμα τῶν προσηλύτωνъ) какъ символъ очищенія и отреченія отъ идолослуженія и языческихъ суевѣрій. Употреблялось ли оно въ отношеніи жейциновъ и обрѣзанныхъ—неизвѣстно, хотя вѣроятно. Оно замѣняло собою обрѣзаніе и установлено для облегченія перехода изъ язычества, хотя ригористы всегда возставали противъ этого.

Такъ какъ во многихъ случаяхъ, когда совершалось обрѣзаніе, по нелеченію совершалось и крещеніе, и такъ какъ Маймоницъ для признанія истиннымъ членомъ иудейской церкви требуетъ исполненія трехъ условій: обрѣзанія, крещенія и жервы, и многіе учителя закона обрѣзаніе и крещеніе считали критеріемъ истиннаго прозелита; то нужно допустить, что въ извѣстное время крещеніе это трактовалось какъ утвержденіе обрѣзанія точно такъ, какъ муропомазаніе служить утвержденіемъ завѣта крещенія²⁾.

Крещеніе Иоанново по видимому предполагаетъ существованіе крещенія прозелитовъ. Впрочемъ нѣкоторые указываютъ

¹⁾ Многіе различаютъ три рода прозелитовъ: 1) Gere zedek или bene berith; 2) Gere thosheb, т. е. обыватели; 3) Gere Schekirim, постояльцы, ремесленники и т. п. Bodenschatz kirchl. verfassung der Juden IV Th. § 71—72. По лица втораго и третьяго класса, какъ справедливо замѣчаетъ Августинъ, могутъ быть соединены въ одинъ классъ. Они не пользовались уваженіемъ и не могли достигать никакихъ общественныхъ должностей. Ся. Denkwürden. T. IV § 112. Anmerkung.

²⁾ Augusti, IV § 112—113.

противъ этого на возраженіе фарисеевъ, сдѣланное Іоанну: «почему крестишь ты, если ты ни Христосъ, ни Ілія, ни пророкъ?»¹⁾ Это показываетъ будто бы, что Іудеи тогда еще не имѣли у себя крещенія прозелитовъ²⁾. Но Ейзенлоръ³⁾ и другіе справедливо доказываютъ, что въ самомъ Евангельскомъ разсказѣ объ Іоанновомъ крещеніи замѣтны слѣды того, что понятіе о крещеніи, какъ обрядѣ принятія и посвященія въ таинства религіи присуще было іудеямъ до І. Христа. Іоаннъ, замѣчаетъ Ейзенлоръ, не произвелъ никакого шума своимъ крещеніемъ, какъ новымъ, неслыханнымъ или чуждымъ обычаемъ. Не необыкновенное что нибудь въ крещеніи привлекало собственно къ нему народъ, но весь образъ дѣйствій Іоанна. Хотя сведрїонъ спрашивалъ его объ этомъ чрезъ посланныхъ фарисеевъ, но спрашивалъ не о самомъ актѣ крещенія, а скорѣе потому, что онъ, не будучи ни Мессією, ни Ілією, ни другимъ ожидаемымъ пророкомъ (Іеремією) совершаетъ однако крещеніе, слѣдовательно дѣлаетъ это самочинно.

Въ какомъ отношеніи крещеніе Іоанново стоитъ къ крещенію прозелитовъ? Іоанново крещеніе, какъ и самое явленіе крестителя, представляетъ нѣчто загадочное. Оно не есть крещеніе прозелитовъ: ибо его принимали всѣ іудеи безразлично, даже Самъ І. Христосъ; весь Іерусалимъ и вся іудейская страна приходили въ нему креститься, не исключая фарисеевъ и саддукеевъ, итарей и воиновъ⁴⁾. Можно допустить только, что Іоаннъ, какъ строгій учитель нравственности, требовалъ его и отъ природныхъ іудеевъ, какъ дополненіе, подобно тому, какъ

¹⁾ Іоан. 1, 25.

²⁾ Über die Taufe u. s. w. Leipz. 1802. § 14.

³⁾ Histor. Bemerkungen über die Taufe 1804.

⁴⁾ Лук. III, 12, 14.

утвержденіе завѣта. Оно не есть также таѣ-называемое пророческое крещеніе, допускаемое нѣкоторыми учеными. О такомъ крещеніи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; а самъ Іоаннъ между тѣмъ открыто объявляетъ, что ояъ не пророкъ¹⁾. Крещеніе Іоанново не есть и крещеніе эссеевъ, входившее въ составъ ихъ мистерій, потому что было бы противорѣчіемъ—крещеніе, которое по Іосифу совершалось съ тайными люстраціями въ озерахъ, совершать открыто на Іорданѣ и въ Энопѣ²⁾; при томъ эссен при приемѣ въ свою секту поступали въ высшей степени строго, подвергая новыхъ членовъ тщательному испытанію³⁾.

Такимъ образомъ крещеніе Іоанново—явленіе не исключительное, но въ то же время и не совсѣмъ обыкновенное. Не только вся Іудея, весь Іерусалимъ и всѣ страны приіорданскія, не только фарисеи и саддукеи, мытари и воины, но и самъ І. Христосъ приходилъ къ нему креститься и на возраженіе его отвѣчалъ: «ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду»⁴⁾. Слова эти ясно показываютъ, что крещеніе Іоанново—нѣчто вполне законное и обязательное для всякаго природнаго іудея и что оно составляетъ приготовительный актъ къ крещенію христіанскому.

Какъ ни близко крещеніе Іоанново стоитъ къ крещенію христіанскому исторически, послѣднее существенно отличается отъ перваго догматическою идеєю и своимъ универсальнымъ характеромъ. Крещеніе Іоанново ограничивалось іудеями: чтобы Іоаннъ крестилъ не іудеевъ,—не видно изъ новозавѣтныхъ писаній. Если выраженія св. писанія: «и вся Іудея, весь Іеру-

¹⁾ Іоан. I, 21. ср. Матѣ. XVI 14.

²⁾ Іоан. I 28. Іоан. III 23.

³⁾ Augusti, Denkwürdigk T. IV § 114.

⁴⁾ Матѣ. III, 15.

салимъ и всѣ приорданскія страны* можно принимать лишь въ вульгарномъ смыслѣ, какъ указаніе только многихъ, то болѣе частыя замѣчанія, что къ нему приходили креститься фарисеи и саддукеи, мытари и воины¹⁾ достаточно показываютъ, что крещеніе Іоанново принимали одни іудеи; по крайней мѣрѣ въ евангеліяхъ не указано ни одного примѣра, чтобы язычникъ принялъ крещеніе Іоанново,—чего по всей вѣроятности не упустили бы изъ виду евангелисты.

Названіа: *крещеніе Іоанново* (Ἰωαννοῦ βάπτισμα)²⁾ и *крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ* (βάπτισμα μετανοίας εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν)³⁾ сами по себѣ хотя не даютъ опредѣленнаго понятія объ этомъ обрядѣ, тѣмъ не менѣе представляютъ его отличныиъ отъ крещенія христіанскаго и указываютъ на одну изъ его характеристическихъ чертъ. Крещеніе Іоанново имѣло цѣлю приготовить народъ іудейскій къ принятію и усвоенію благодати искупленія, имѣвшаго совершиться чрезъ І. Христа, уготовать путь Господу къ сердцамъ человѣческимъ, возбудивъ въ нихъ сознаніе грѣховъ и очистивъ отъ нихъ чрезъ открытую всенародную исповѣдь. Эту цѣль укавываетъ самъ Іоаннъ въ своемъ призывѣ къ крещенію: *покайтесь, ибо приближилось царствіе небесное*⁴⁾; и народъ — какъ замѣчено въ евангеліяхъ — приходилъ креститься отъ него, *исповѣдая грѣхи свои*⁵⁾. Покаяніе и исповѣданіе грѣховъ такимъ образомъ составляютъ сущность крещенія Іоаннова и отличіе отъ крещенія, установленнаго І. Христомъ. Покаяніе было средствомъ къ возбужденію вѣры въ грядущаго Мессію, которому

¹⁾ Матѣ. III, 7. Марк. I, 5. Лук. III, 12, 14.

²⁾ Дѣян. XIX, 3.

³⁾ Лук. III, 3. Дѣян. XIX, 4.

⁴⁾ Ср. Матѣ. III, 2. Марк. I, 4. Лук. III, 3.

⁵⁾ Матѣ. III, 5. 6. Марк. I, 5.

Иоаннь долженъ уступить мѣсто. »*Иоаннь крестилъ крещеніемъ покаянія*—говорилъ апостоль Павелъ нѣкоторымъ ученикамъ, принявшимъ Иоанново крещеніе — *говоря людямъ, чтобы они въпродолженіи въ грядущаго по немъ, т. е. во Христа Иисуса* ¹⁾. Христомъ установленное крещеніе совершалось *во Христа во плоти пришедшаго* ²⁾. Тамъ и здѣсь такимъ образомъ требовалась вѣра: во тамъ въ грядущаго, — еще не совершившаго дѣла благодатнаго искупленія, здѣсь—*отъ пришедшаго, уже даровавшаго благодать искупленія*. Потому-то крещеніе Иоанново считалось недостаточнымъ, такъ какъ давало только, такъ сказать, право на принятіе новаго крещенія, но не сообщало благодати искупленія. Это-то и составляетъ безурядливое различіе и преимущество христіанскаго крещенія. Иоанново крещеніе было только *крещеніемъ водою*, крещеніе же, установленное Иисусомъ Христомъ, есть крещеніе *Духомъ Св. и огнемъ*. »*Я крещу васъ водою, говорилъ Иоаннь принимавшимъ его за Христа, — но идетъ сильнѣйшій меня, у котораго я недостойнъ развязать ремень обуви, Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Св. и огнемъ*» ³⁾. И только въ такомъ смыслѣ оно составляетъ необходимое условіе, безъ котораго невозможно достиженіе царствія Божія, точно также, какъ у иудеевъ безъ крещенія водою невозможно было сдѣлаться членомъ народа Божія: *Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе*—эта мысль І. Христа воплотивъ конята, усвоена и осуществлена въ апостольской практикѣ крещенія. Такимъ образомъ не смотря на тѣсную непосредственную историческую связь христіанскаго крещенія съ Иоанновымъ, не смотря на нѣкоторое видное сходство, пер-

¹⁾ Матѳ. III, 11.

²⁾ Дѣян. XIX, 4.

³⁾ Лук. 3, 16.

вое радикально отличается отъ послѣдняго. Равнѣше это согласнo признають отцы и учителя церкви: Тертуллианъ, Платинъ, Златоустъ, Григорій Назіанзинъ, Кириллъ Александрійскій, Августинъ, Григорій Великій и другіе.

При такомъ сомнѣ свидѣтелей въ пользу различія крещенія христіанскаго отъ Іоаннова едва ли заслуживаетъ вниманія голосъ нѣкоторыхъ протестантскихъ писателей, признающихъ тожество того и другаго¹⁾, особенно когда дѣло ясно какъ день для всякаго внимательнаго читателя св. писанія. Къ признанію этого тожества привело ихъ безъ сомнѣнія сходство формы того и другаго крещенія. Но они забываютъ ту внутреннюю—религіозную и внѣшнюю—историческую связь, въ какой стоятъ между собою два завѣта — ветхій и новій; забываютъ, что христіанство, какъ исполненіе ветхаго завѣта, во всѣхъ его частяхъ, и въ этомъ отношеніи должно было непосредственно примкнуть въ формамъ ветхозавѣтнаго культа, какъ примкнуло оно къ самой главной части своей, т. е. жертвѣ. Оно должно было начать съ того, чѣмъ кончилось іудейство: такъ и было дѣйствительно. Поэтому на совпаденіе нѣкоторыхъ формъ культа и въ частности на сходство крещенія Христова съ крещеніемъ Іоанновымъ можно смотрѣть не какъ на нѣчто случайное, а провиденціальное. Это доказалъ своимъ ученіемъ І. Христосъ. Идею единства двухъ завѣтовъ проводили въ сознаніе вѣрующаго апостолы. Поэтому, если эта идея проходить и съвозъ всю позднѣйшую практикую литургическую—это дѣлаетъ лишь честь богопросвѣщенной мысли отцевъ и учителей церкви, сумѣвшей проникнуть въ духъ ветхаго и новаго завѣта и довершить осуществленіе его въ жизни церкви

¹⁾ Mart. Chemnit. exam. Concil. Trident. P. II. Fr. Buddens Theol. dogmat. lib. V. c. 1. § 2. Zwingli de vera et falsa relig. cap. de bapt. и Calvin Instit. relig. chr. lib. 14, cap. 15. § 7.

Христовой, начатое Христомъ и продолженное апостолами. Говоримъ это потому, что крещеніе Иоанново и вообще іудейское, какъ и другія формы культа, не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую исторію христіанскаго крещенія.

Это тѣмъ легче и естественнѣе должно было случиться, что образованіе формы крещенія, равно какъ и формы богослуженія вообще, предоставлено было историческому теченію вещей. Самъ І. Христосъ, какъ мы знаемъ, не крестилъ никого. Свидѣтельство Іоанна на этотъ счетъ слишкомъ просто и опредѣленно, чтобы можно было сомнѣваться въ этомъ. Передавая о слухѣ, дошедшемъ до фарисеевъ, что Онъ (Христосъ), больше приобретаетъ учениковъ и крестить, чѣмъ Іоаннъ, оговаривается: *• хотя Самъ Іисусъ не крестилъ, а ученики Его •*¹⁾ Поэтому, выраженія Іоанна о Христѣ: *ἐβάπτισεν* и *βαπτίζει* можно понимать такъ, что подъ ними разумѣется не непосредственное крещеніе, а посредственное, какъ понимаютъ ихъ нѣкоторые отцы и за ними ученые богословы. *Августинъ* говоритъ: *Quamvis ipse non baptizaret, sed discipuli ejus: ipse et non ipse; ipse potestate, illi ministerio; servitutem ad baptisandum illi admovebant, potestas baptisandi in Christo permanebat* ²⁾. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказывается *Куинöl*: *non ipse, sed jussu et auctoritate ipsius discipuli baptisabant* (Іоан. IV, 2); *ergo ἐβάπτισεν explicari debet, baptisabat ita, ut uteretur discipulorum ministerio* ³⁾. *Августинъ*, соглашаясь съ нимъ, принимаетъ положеніе: *quod quis per alium fecerit, id ipse fecisse putandus est*. Нѣкоторые изъ католическихъ богослововъ утверждаютъ, что у евангелиста Іоанна въ приведенномъ мѣстѣ рѣчь идетъ еще объ Иоанновомъ крещеніи, а не собствен-

¹⁾ Іоан. IV, 2.

²⁾ Tract. 5 in Іоанн. с. 18.

³⁾ D. Kuinöl, *Ev. Iohannis illustr.* Lipsa. 1812. p. 219.

но христіанскомъ. Такое объясненіе дѣлается очевидно съ цілію оправдать какъ нибудь преданіе, что Христосъ Самъ крестилъ ап. Петра. Въ «гипотезахъ» приписываемыхъ Клименту Александрійскому, говорится: *Christus dicitur Petrum solum baptisasse, Petrus Andream, Iacobum et Ioannem, illi autem reliquos* ¹⁾. Но для этого преданія не даютъ никакого основанія ни книги новаго завѣта, ни древнѣйшая исторія церкви. Если бы такъ было, если бы Самъ Христосъ крестилъ кого нибудь, а тѣмъ больше ап. Петра, то при тщательности, съ какою евангелисты обыкновенно сообщаютъ о подобныхъ дѣйствіяхъ Спасителя, такой случай не могъ бы остаться незамѣченнымъ, такъ какъ онъ былъ бы началомъ божественнаго установленія таинства ²⁾.

Но такого случая не указано, и потому естественно возникаетъ вопросъ: когда же установлено собственно христіанское крещеніе? и нѣтъ ничего удивительнаго, если на этотъ вопросъ даются въ наукѣ различные отвѣты. На первый взглядъ кажется, что оно установлено послѣ воскресенія незадолго предъ вознесеніемъ І. Христа, почему и евангелисты въ концѣ своей евангельской исторіи сообщаютъ объ установленіи крещенія ³⁾. Это послѣднее обстоятельство казалось и Златоусту, Льву В., Теофилакту и др. до такой степени важнѣмъ, что они, не смотря на трудности, признавали этотъ именно терминъ. Къ такимъ трудностямъ относится вышеупомянутый

¹⁾ Lib. V.

²⁾ *Denkwürdigkeiten*, T. IV. § 116. Почему Христосъ Самъ не крестилъ — на это отвѣчаютъ различно, но въ концѣ концовъ приходитъ къ тому, что для основателя и Царя новаго царства не прилично было самому крестить. *Augusti theolog. Blätter* 1. Jahr. § 81. *Campe, Commentar zu Joh. IV 2.* *Lucke Commentar über den Ev. Iohannes.*

³⁾ *Матѣ. XXVIII; Марк. XVI.*

разсказъ Іоанна, что Христосъ, хотя Самъ и не крестилъ, но крестилъ чрезъ своихъ учениковъ ¹⁾. Въ виду этого разсказа многіе отцы церкви допускали, что крещеніе установлено уже прежде страданія Христова. Августынь, слова котораго мы только что привели, полагаетъ, что крещеніе установлено тогда, когда І. Христосъ крестился въ Іорданѣ. Онъ говоритъ: *apparet manifestissime trinitas, Pater in voce, Filius in homine, Spiritus in columba. In ista trinitate missi sunt apostoli* ²⁾. Другіе отцы церкви также признаютъ, что чрезъ тѣло Христа освятилась вода и едѣлась водою истиннаго крещенія ³⁾.

Нѣкоторые полагаютъ время установленія таинства тогда, когда Христосъ велъ бесѣду съ Никодимомъ, основываясь на выраженіи: »если кто не родится водою и Духомъ не можетъ войти въ царство небесное« ⁴⁾,—которое обыкновенно относятъ къ крещенію. Но обстоятельства разсказа не благопріятствуютъ установленію обряда, долженствовавшаго имѣть значеніе на все времяа. Бесѣда съ Никодимомъ имѣетъ частный характеръ и при томъ ведена была ночью. Поэтому нѣкоторые установленіе таинства связываютъ съ фактомъ болѣе общаго свойства, именно съ посланіемъ двѣнадцати учениковъ на проповѣдь. Ома Аквинать говоритъ: »sed usus fait inchoatus, quando Christus discipulos ad praedicandum et baptisandum misit. Матѣ. X.« Это мнѣніе конечно представляется болѣе вѣроятнымъ, но нельзя не поставить на видъ то обстоятельство, что въ числѣ порученій, какія дѣлалъ І. Христосъ ученикамъ на этотъ разъ, о крещеніи вовсе не упоминается. Въ такомъ случаѣ нужно разумѣть его подъ общимъ порученіемъ: »пропо-

¹⁾ Іоан. III, 22: IV, 1. 2. и т. д.

²⁾ Tract. 1. с. 5.

³⁾ Напр. Кириллъ Іерус. Catech. III.

⁴⁾ Іоан. III. 5.

вѣдуйте, что приближилось царствіе небесное,* или подъ повелѣніемъ: »бѣсовъ изгоняйте« и въ этомъ послѣднемъ выраженіи видѣть неоспоримое доказательство древности и необходимости заклинанія, вошедшаго въ составъ дѣйствій христіанскаго крещенія. Но намъ извѣстно, что апостолаы изгоняли бѣсовъ независимо отъ крещенія; и какъ ни несомнѣнно то, что цѣломощіе, данное Христомъ апостоламъ, относилось и къ крещенію, все же оно слишкомъ обще, чтобы къ нему приурочивать первый моментъ установленія такого особеннаго факта, какъ крещеніе.

Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свою долю правды, но ни одно изъ нихъ, взятое въ отдѣльности, не можетъ быть признано положительно вѣрнымъ и всѣмъ имъ недостаетъ начала, изъ котораго бы съ историческою необходимостію вытекали они. Такое начало предлагаетъ намъ Евангеліе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изображаетъ намъ дѣятельность І. Христа, наглядно выражая соотвѣтствіе ея съ дѣятельностію Іоанна Крестителя. Въ евангеліи Матѳея говорится объ Іоаннѣ: »въ тѣ дни приходитъ Іоаннъ Креститель и проповѣдуетъ въ пустыняхъ иудейской и говоритъ: покайтесь, ибо приближилось царство небесное«¹⁾. Тоже самое почти буквально говорится о Христѣ: »съ того времени (т. е. послѣ своего крещенія) Іисусъ началъ проповѣдывать и говоритъ: покайтесь, ибо приближилось царство небесное.« Проповѣдь І. Христа такимъ образомъ, какъ и проповѣдь Іоанна была проповѣдію покаянія. Такое согласіе замѣчается не только въ ученіи, но и въ отношеніи крещенія. »Тогда..... выходи.мъ къ нему—говорится объ Іоаннѣ — и крестились отъ него въ Иордань, исповѣдуя грѣхи свои«²⁾. Объ І. Христѣ у св. Луки также говорится: *И весь*

¹⁾ Матѳ. III, 1. 2.

²⁾ Матѳ. III, 5—6.

народъ слышавши Его и мытари водали славу Богу, крестившись крещеніемъ Іоанновымъ. А фарисеи и законники отвергли волю Божию о себѣ не крестившись отъ него (т. е. учениковъ Его) ¹⁾.

Такая параллель между дѣятельностію Іоанна и І. Христа даетъ основаніе къ слѣдующему рѣшенію вопроса о происхожденіи христіанскаго крещенія — рѣшенію самому простому и на нѣтъ взглядъ самому естественному.

Въ первое время проповѣди Христовой продолжалось еще крещеніе Іоанново, преподаваемое учениками І. Христа; и это тѣмъ скорѣе могло быть, что Онъ освятилъ его собственною личностію, и что оно по цѣли и назначенію вполне согласовалось съ намѣреніемъ Спасителя. Оно было посвященіемъ для царства небснаго и существеннаго различія не могло быть въ томъ, крестилъ ли Іоаннъ въ грядущаго, о которомъ Самъ Онъ говорилъ іудеямъ, что Онъ уже среди яхъ находится ²⁾, или ученики І. Христа, требовавшіе вѣры въ Того, Котораго Іоаннъ торжественно указалъ какъ ожидаемаго...

Крещеніе это ограничивалось только *іудеями*. Это видно изъ того, что при Іоанновомъ крещеніи требовалось прежде всего покаяніе, которое въ той формѣ, въ какой требовалось, могло быть обязательно только для іудеевъ. И отзывъ І. Христа объ Іоаннѣ и обращеніе къ нему (Матѣ. XI, 7. и д. и Лук. VII, 22 и д.) показываютъ, что дѣло Іоанна могло простирается только на іудеевъ. При томъ, при тщательности, съ какою новозавѣтные писатели сообщаютъ все, что касается этого предмета, навѣрное не осталось бы не замѣченнымъ если бы уже тогда язычники получили доступъ въ общество чадъ Божіихъ.

¹⁾ Лук. VIII, 29. 30.

²⁾ Іоан. I. 26.

Это случилось только впоследствии, когда учение І. Христа уже достаточно утвердилось и когда Спаситель достаточно подготовилъ къ этому своихъ учениковъ неоднократнымъ напоминаніемъ о другихъ овцахъ, которыя не принадлежали къ доюру Израиля, но должны быть приведены и составить одно стадо одного пастыря. Только послѣ Его воскресенія, кажется, ученики, которымъ не мало было труда отрѣшиться отъ іудейскаго партикуляризма, достаточно, хотя еще не вполне, созрѣли, чтобы понять универсальный и космополитическій характеръ христіанства, который уже пророки В. З. созерцали и изобразили такъ ясно.

Установленіе христіанскаго крещенія, въ собственномъ смыслѣ, падаетъ слѣдовательно на время незадолго предъ вознесеніемъ на небо. Въ такомъ только случаѣ, если признать этотъ пунктъ времени, слова установленія, какъ читасмъ ихъ у Матѳея XXVIII, 18—20, какъ достойнѣйшее заключеніе этого Евангелія, получаютъ полное значеніе. Небесный Учитель, Основатель новаго завѣта, исполненный чувства своей власти и достоинства, изрекъ: *дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. И такъ идите, научите все народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во все дни до скончанія вѣка. Аминь.*

Но если несомнѣнно, что въ этихъ словахъ дана заповѣдь относительно крещенія и полномочіе на совершеніе этого таинства, то осуществленіе этой заповѣди, самое совершеніе собственно христіанскаго крещенія могло послѣдовать не раньше, какъ тогда, когда сами апостолы приняли крещеніе Духомъ Святымъ. До этого времени апостолы все еще не возышались до признанія общечеловѣческаго значенія христіанства. Въ продолженіи сорока дней отъ воскресенія до вознесенія І. Христомъ являлся имъ и говорилъ съ ними о царствіи Божіемъ

и наконецъ, собравъ ихъ, Онъ повелѣлъ имъ не отлучаться отъ Иерусалима, но ждаты обыкновеннаго отъ Отца. *«Юаннъ крестилъ водою,—говорилъ Онъ имъ,—и вы, чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, будете крещены Духомъ Святымъ.»* Но они и теперь еще воображали, что Онъ говоритъ о возстановленіи царства Израилова. Разсвѣять ихъ мечту могла только разлука съ ними и озареніе Св. Духомъ; и потому Онъ сказалъ имъ: *«не вамъ дано знать времена или сроки, которые Отецъ положилъ въ своей власти. Но вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый и будете мнѣ свидѣтелями въ Иерусалимѣ и во всей Иудей и Самаріи, и даже до края земли.»* Сказавъ это Онъ вознесся на небо. Съ этого времени до пятидесятницы апостолы, согласно завѣщанію Спасителя, неотлучно оставались въ Иерусалимѣ. Въ день пятидесятницы сошелъ на нихъ Духъ Св. Это-то торжественное крещеніе Духомъ Святымъ, какъ назвалъ Самъ І. Христосъ, и есть та рѣшительная минута, когда завершено и навсегда утверждено божественное установленіе великаго христіанскаго таинства. Получивши сами божественное крещеніе, апостолы въ свою очередь тотъ часъ же совершили первое собственно-христіанское крещеніе надъ обратившимися іудеями. Съ этого времени крещеніе Юанново потеряло силу и надъ привившими его совершалось новое крещеніе.

Христіанское крещеніе такимъ образомъ подготовлено исторически и притомъ съ самою строгою постепенностію и—если можно такъ выразиться—съ логическою послѣдовательностію, говорящею скорѣе въ пользу божественнаго происхожденія и характера таинства, чѣмъ противъ. Само іудейство, при всей своей замкнутости, переступило національныя границы открыло доступъ язычникамъ, установивъ вмѣсто обрѣзанія крещеніе. Этимъ заявило оно сознаніе или лучше чувство (мозгъ былъ безотчетное) несостоятельности своихъ принциповъ,

потребность болѣе универсальной религіи и чувство приближенія послѣдней. Крещеніе Іоанново служило посредствующимъ звеномъ между крещеніемъ іудейскимъ, какъ фактическимъ заявленіемъ потребности всеобщей религіи, и христіанскимъ, какъ удовлетвореніемъ этой потребности, проявившейся въ іудействѣ и язычествѣ. И христіанское крещеніе не прежде явилось какъ тогда, когда сошелъ Духъ Святый — источникъ благодатнаго освященія. Въ этомъ то и заключается фактъ величайшей важности: здѣсь граница, безпредѣльно раздѣляющая христіанское крещеніе отъ крещенія прозелитовъ и крещенія Іоаннова. Съ этой ровной въ исторіи жизни начинается новое образованіе формъ культа и въ частности формы крещенія. Въ силу этого мы не можемъ согласиться съ положеніемъ Августи, что христіанское крещеніе есть соединеніе крещенія прозелитовъ и Іоаннова крещенія, хотя признаемъ совпаденіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ перваго съ послѣднимъ, считая эти совпаденія естественными, независящими отъ преднамѣреннаго расчета.

Прозелитское крещеніе, говоритъ Августинъ, совершалось надъ всѣми безъ различія пола, возраста, притомъ, такъ какъ оно было дополненіемъ и утвержденіемъ обрѣзанія, отчасти имѣло значеніе замѣны обрѣзанія, — назначалось преимущественно для невзрослыхъ и лицъ женскаго пола. Дѣти до 13 лѣтнаго возраста крестились вмѣстѣ съ родителями и не обязаны были провозносить особо исповѣданія грѣховъ. При крещеніи беременныхъ женщинъ сила крещенія простиралась и на плодъ ихъ и дѣти послѣ этого могли снова не креститься, какъ и вообще всякое повтореніе крещенія строго воспрещалось ¹⁾. Христіанское крещеніе также происходило на всѣхъ безъ исключенія: женщинами и дѣти крестились наравнѣ съ

¹⁾ Augusti, Denkwürdigkeiten. T. XII.

мужчинами и взрослыми. Доказательствомъ этого могутъ служить тѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ рассказывается о крещеніи цѣлыхъ семействъ. Сюда принадлежитъ прежде всего мѣсто Дѣяній, гдѣ о Лидіѣ, торговашей багрянницей, говорится, что послѣ наставленій ап. Павла «крестилась она и домашніе ея ¹⁾. Тоже самое говорится о темничномъ стражѣ, который, увидѣвши двери темницы отверстыми и думая, что Павелъ и Сила, которыхъ ему приказано было стеречь строжайшимъ образомъ, ушли, хотѣлъ лишить себя жизни, но былъ удержанъ ими: «взявъ ихъ, онъ омылъ рапы ихъ, и немедленно крестился самъ и *всю домашніе его* ²⁾. Крестивъ, начальникъ синагоги, также крестился со *всѣми домою своєю* ³⁾. Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ крестилъ *Стефанова домою* ⁴⁾. Подъ домою и домашними, правда, нужно разумѣть не дѣтей только, но скорѣе рождественниковъ и прислугу, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія допускать, что въ домахъ между домашними не было и дѣтей.

Въ этомъ пунктѣ христіанское крещеніе очевидно совпадаетъ съ іудейскимъ крещеніемъ прозелитовъ, — что Августинъ объясняетъ преднамѣренныиъ заимствованіемъ. Но вопервыхъ, Августинъ противорѣчитъ себѣ, когда такъ рѣшительно утверждаетъ, что іудейское крещеніе не только совершалось надъ женщинами, но для нихъ преимущественно и назначалось. Онъ забылъ прежде высказанное имъ мнѣніе, что неизвѣстно, употреблялось ли крещеніе женщинъ-прозелитокъ, и прямо отрицаетъ употребленіе крещенія въ отношеніи къ женщинамъ въ настоящее время, вопреки мнѣнію Шено, который допускаетъ его ⁵⁾. Затѣмъ признавать обычай — крестить женщинъ и

¹⁾ Дѣян. XVI, 15.

²⁾ Дѣян. XVI, 30—33. ³⁾ Ів. II, 39 и XVІІІ, 8.

⁴⁾ 1 Кор. I, 16.

⁵⁾ Denkwürdigkeiten, T. IV. § 113.

дѣтей заимствованіемъ у крещенія прозелитовъ и съ такою положительностію, какъ Августи, значить забывать характеръ христіанства вообще. Христіанство само по себѣ должно было имѣть универсальное значеніе: въ немъ не должно быть различія между обрѣзаннымъ и необрѣзаннымъ, между рабомъ и свободнымъ, между эллиномъ и варваромъ, между мужескимъ поломъ и женскимъ; что касается дѣтей, то Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что таковыхъ царствіе небесное и что всѣ, желающіе войти въ царство Божіе, должны быть, какъ дѣти; притомъ до крещенія всѣ люди находятся подъ проклятіемъ, суть чада гнѣва, по Апостолу, — чада, не имѣющія Отца, только чрезъ усыновленіе, которое сообщаетъ крещеніе, они становятся чадами свѣта и свободы, чадами Отца небеснаго, къ Которому могутъ взывать: авва. Наконецъ Спаситель рѣшительно сказалъ, что кто не родится снова водою и Духомъ, тотъ не можетъ войти въ царство небесное. Въ виду этихъ мѣстъ странно даже предполагать намѣренное заимствованіе названнаго обычая, который у іудеевъ былъ лишь случайно мѣрою, вызванною скорѣе обстоятельствами, чѣмъ выродившеюся изъ идеи религіознаго космополитизма. Прозелитское крещеніе если и имѣло какое нибудь значеніе въ отношеніи къ крещенію христіанскому, то скорѣе то, что подготовило іудеевъ къ принятію послѣдняго; вліаніе же на образованіе формы могло быть развѣ въ послѣ-апостольское время, такъ какъ въ писаніяхъ апостольскихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на связь между тѣмъ и другимъ.

Что касается Іоаннова крещенія, то оно, какъ мы замѣчали уже, стоитъ въ непосредственной исторической связи съ крещеніемъ христіанскимъ и имѣло быть можетъ сравнительно большее вліаніе на образованіе послѣдняго. Самъ Іисусъ

Христосъ и ученики (по крайней мѣрѣ многіе) принимали его, такъ какъ видѣли въ этомъ исполненіе правды: чрезъ это, какъ говорили древніе, оно освящено и возвышено въ таинство. Оно требовало *покаянія*, *вѣры* во Христа и обѣщало *отпущеніе грѣховъ*. Все это вошло въ составъ христіанскаго крещенія. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что эти элементы заключались въ существѣ и назначеніи самого христіанства, въ положительныхъ замѣчаніяхъ Христа и апостоловъ касательно христіанскаго крещенія, въ которыхъ незамѣтно слѣда зависимости отъ какого бы-то ни было исторически-даннаго института, наконецъ въ существѣ христіанскаго крещенія, прямо противоположномъ существу Іоаннова крещенія. Іоанново крещеніе было крещеніе водою, крещеніе христіанское—крещеніе Духомъ Святымъ. Это-то и имѣло рѣшительное значеніе для формы христіанскаго крещенія, образовавшейся самостоятельно и независимо, хотя не безъ вниманія къ существовавшимъ формамъ.

Относительно *формы* или *образа совершенія крещенія* и соединявшихся съ нимъ обрядовъ въ новозавѣтныхъ книгахъ мы не находимъ ни предписанія, ни примѣра. Обстоятельство это, въ связи съ мѣстами писанія, кои всё относятся къ внутренней сторонѣ крещенія, заставляетъ предполагать, что опредѣленной формы еще не установилось въ апостольское время и что внѣшней сторонѣ крещенія, какъ и богослуженія вообще, не придавали большого значенія. Тѣмъ не меньше въ св. писаніи встрѣчаются намеки, которые, какъ ни отрывочны и неопредѣленны въ отдѣльности, въ общей совокупности достаточно показываютъ, что крещеніе, согласно намѣреніямъ Спасителя, заключало въ себѣ всѣ существенные элементы или зародыши для литургическаго развитія и образованія, какое получило оно впоследствии,—словомъ, имѣло литургическій характеръ.

Самъ Іисусъ Христосъ, какъ мы говорили уже, не совершалъ крещенія. Но Онъ уполномочилъ совершать его-избранныхъ имъ учениковъ. Въ св. Писаніи есть даже намекъ на то, что между самими апостолами существовало нѣкоторое распределеніе правъ и обязанностей, хотя оно и не было исключительное и безусловное. Апостоль Павелъ говоритъ, что Христосъ послалъ его не крестить, но благовѣствовать, что онъ въ силу этого никого не крестилъ (по крайней мѣрѣ въ коринтскомъ обществѣ) кромѣ Криспа и Гаия и Стефанова дома ¹⁾. Извѣстно, когда возникли неудовольствія по поводу того, что вдовамъ неисправно отпускалось ежедневное содержаніе, двѣнадцать апостоловъ, находя неправомернымъ, оставивъ слово Божіе заботиться о содержаніи, избрали для завѣдыванія экономіею семь мужей, хотя это не мѣшало Филиппу, одному изъ этихъ семи, крестить внука царицы Эѳіопской. Апостолы въ свою очередь передавали это благодарственное право испытаннымъ мужамъ. «Идите научите всѣ народы, крестя ихъ» — это божественное полномочіе, данное избранному кружку учениковъ, уже само въ себѣ заключало законъ преемства, въ силу котораго крещеніе не могло быть дѣломъ произвола, не могло быть совершаемо всѣми безразлично, а лишь тѣми, кто избирался и получалъ право отъ преемниковъ Христовыхъ. Послѣ сошествія Св. Духа, когда жизнь христіанскихъ обществъ уже начала формироваться, и когда рядомъ съ апостолами появилось пресвитерство, въ числу правъ послѣдняго принадлежало безъ сомнѣнія право совершать крещеніе, упроченное впоследствии законодательнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ крещеніе, согласно съ измѣненіемъ Спасителя, съ самаго начала выдѣлено изъ ряда обыкновенныхъ дѣйствій, составило одинъ изъ первыхъ актовъ новаго религі-

¹⁾ Кор. 1, 16.

ознаго культа, хотя по обстоятельствамъ тогдашняго времени оно не могло быть строго приурочено ни къ мѣсту, ни ко времени, ни даже къ опредѣленнымъ лицамъ исключительно, не могло быть связано тѣсно съ общественнымъ богослуженіемъ и составлять литургическій актъ въ строгомъ смыслѣ, какимъ является оно въ послѣ-апостольской практикѣ, когда возникло въ церкви стремленіе къ систематизаціи богослуженія вообще.

Въ историческомъ порядкѣ крещенію какъ Іоаннову, такъ и христіанскому предшествовала *проповѣдь*, имѣвшая цѣлію съ одной стороны привести дохристіанское человѣчество къ сознанию нравственнаго паденія и развращенія, достигшаго крайняго своего предѣла, за которымъ ничего больше не оставалось, кромѣ гибели, съ другой—представить близость царства Божія, въ которомъ одномъ разбитое нравственно и погибавшее человѣчество могло найти прощеніе грѣховъ, примиреніе съ Богомъ и спасеніе — отъ наступившаго уже гнѣва Божія. При этомъ въ проповѣди, какъ Іоаннъ Креститель, такъ и Іисусъ Христосъ и Его ученики старались предварительно раскрыть сущность царства Божія, сущность ношой религіи и сущность крещенія, чрезъ которое единственно и исключительно возможенъ былъ входъ въ это царство. Въ то время какъ общественная проповѣдь служила какъ-бы *оглашеніемъ* для массъ народныхъ, отдѣльныя личности наставляемы были *частнымъ образомъ* ¹⁾.

По естественному теченію вещей, прежде чѣмъ могли люди дохристіанскаго міра принять новую религію, обѣщавшую имъ спасеніе, они должны были сознать губительность прежняго нравственнаго своего состоянія, свою грѣховность и невозможность спастись тѣми средствами, какія предлагали

Религии дохристианскія. Потому-то *покаяніе* въ самомъ широкомъ смыслѣ требовалось, какъ необходимое условіе для вступленія въ новое царство, для принятія крещенія и къ возбужденію его прежде всего направлена была проповѣдь. «*Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное*», — начиналъ свою проповѣдь Іоаннъ; точно также началъ свою проповѣдь Іисусъ Христосъ. И приходившіе креститься исповѣдывали свои грѣхи. «Тогда—говорится объ Іоаннѣ—Іерусалимъ и вся Іудея и вся окрестность іорданская выходили къ нему и крестились отъ него въ Іорданѣ, *исповѣдуя грѣхи свои*». «И весь народъ—сказано о Христѣ—слушавшій Егò, и мытари воздали славу Богу, крестившись крещеніемъ Іоанновымъ». О покаяніи здѣсь не упомянуто, но оно составляло сущность крещенія Іоаннова и подразумевается въ самомъ имени; тоже самое нужно сказать и о другихъ случаяхъ, когда совершалось крещеніе Іоанново учениками Іисуса Христа. Чтоже касается собственно-христианскаго крещенія, какъ совершалось оно по сошествіи св. Духа на апостоловъ, то рассказъ объ немъ, отличающійся краткостію и неполнотою вообще, не представляетъ слѣдовъ покаянія въ формѣ исповѣданія грѣховъ. Но принимая въ соображеніе, что въ апостольской проповѣди вслѣдствіе требуется покаяніе, какъ условіе спасенія, въ непосредственной связи съ крещеніемъ ¹⁾, и что оно составляло необходимый элементъ Іоаннова крещенія, служившаго приготовительною ступенію къ христианскому крещенію, съ полною вѣроятностію можно полагать, что оно и при послѣднемъ требовалось и совершалось, какъ и въ Іоанновомъ крещеніи, въ формѣ исповѣданія грѣховъ, какъ подготовительный актъ.

Если употребленіе исповѣданія грѣховъ, какъ составнаго элемента въ обрядѣ христианскаго крещенія, составляетъ

предметъ вѣроятнаго предположенія,—то *исповѣданіе вѣры во Христа* при крещеніи—неоспоримый историческій фактъ, засвидѣтельствованный во многихъ мѣстахъ писанія. Уже при Іоаннованъ крещенія требовалась вѣра въ грядущаго, т. е. Іисуса Христа, а покаяніе лишь приготавливало къ этой вѣрѣ. Въ христіанскомъ крещеніи вѣра должна была получить и получила тѣмъ болѣе рѣшительное значеніе, что она была плодомъ не только внѣшняго вліянія апостольской проповѣди, но гораздо больше непосредственнымъ порожденіемъ внутренняго дѣйствія Духа Божія, озаряющаго душу человѣческую. Вѣровать во Христа теперь не значило только признать, что Онъ пришелъ въ міръ, но значило принять Его ученіе, принесенное Имъ и проповѣдуемое апостолами, значило *признать Его не Мессією только, но Сыномъ Божиимъ*.

О какойнибудь опредѣленной *формѣ* исповѣданія вѣры при крещеніи въ апостольское время, конечно, не можетъ быть и рѣчи: каждый исповѣдывалъ свою вѣру какъ могъ. Единственный образецъ формулы исповѣданія вѣры, какой сохранила намъ книга Дѣяній въ разсказѣ о крещеніи евнуха царицы Эѳіопской, состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ: *«вѣрую говорить евнухъ.—что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій»*¹⁾.

Всѣ указаннныя элементы въ практикѣ апостольской, сообразно съ характеромъ времени, являлись въ свободномъ, чуждомъ всякой формальности, видѣ, и въ самой непосредственной взаимной связи. Тѣмъ не меньше анализируя эту практику, не трудно замѣтить, что въ ней, какъ въ почкѣ,

съ потребностями времени, развилась широкая практика крещенія съ ея *общественнымъ и частнымъ соглашеніемъ* или наставленіемъ, съ общественно *исповѣдію* и торжественнымъ

¹⁾ Дѣян. гл. 8, 37.

исповѣданіемъ *вѣры*, какъ необходимыми условіями крещенія.

Кто принималъ и усвоилъ христіанское ученіе, по крайней мѣрѣ, въ его сущности, обнаруживалъ сознаніе своихъ грѣховъ и приносилъ раскаяніе и наконецъ исповѣдывалъ вѣру во Христа, какъ искупителя отъ грѣховъ,—тотъ получалъ право на полученіе крещенія.

Самое крещеніе совершалось *водою*, которая составляетъ видимый вещественный элементъ таинства. Въ этомъ отношеніи христіанское крещеніе далеко не новое и не единственное явленіе: оно глубоко коренится въ исторіи всѣхъ дохристіанскихъ религій и культа, находя ближайшее предположеніе и прообразъ въ культѣ іудейскомъ, съ которымъ христіанство, въ еялу божественнаго плана домостроительства, должно было находиться въ существенной исторической связи. Водю совершалось іудейское крещеніе прозелитовъ; Иродетча Іоаннъ тоже крестилъ водою, въ рѣкѣ Іорданѣ.

Не можемъ при этомъ не обратитъ вниманія на то многозначительное, по нашему мнѣнію, обстоятельство, что вода вообще и въ частности моря и рѣки играли важную роль въ дохристіанскомъ культѣ. По мнѣнію браминновъ индійскихъ, вода очищаетъ тѣло и душу. «Вода—говорятъ они—причина грязи, но водою же и смываютъ грязь.» Океанъ и рѣка Гангъ считались видимыми символами Вишну и почитались священными; священными же почитались еще шесть рѣкъ, во главѣ которыхъ стоялъ Гангъ. Грѣшнику достаточно выкупаться въ одной изъ семи священнымъ рѣкъ, чтобъ получить прощаніе, а по невозможности погрузиться въ священную рѣку можно выкупаться и въ другой какойнибудь, только мысленно называя ее священной; въ такомъ случаѣ должны быть избираемы по преимуществу рѣки, текуція съ востока на западъ. Въ Аллаг—Абадѣ, находящемся при слияніи Ганга и Джумны, богомольцы, въ безчисленномъ мно-

жествьѣ стекающіеся сюда, купаются, нѣкоторые даже топятся въ полной надеждѣ заслужить тѣмъ вѣчное блаженство; равно какъ съ этою же надеждою бросаютъ пепель сожженныхъ покойниковъ въ рѣку Гангъ. «Если мы спасаемъ душу усопшаго, бросая въ Гангъ его пепель—говорять индусы—тѣмъ паче погибающій въ волнахъ Ганга долженъ избавиться отъ адскаго пламени.» Баирагви—нищіе ванапрасты, проводящіе всю жизнь въ самоистязанія или по индѣйски въ упражненіи освобожденія (жогеласадака) топятся иногда въ священнхъ рѣкахъ, чѣмъ заслуживаютъ всеобщее благоговѣніе и признание святыми послѣ смерти. Секта буталистовъ поклоняется водамъ, какъ божеству 1). У Персовъ и вообще у сабитовъ вода была предметомъ поклоненія согласно ученію Ормузда; даже пища, сваренная въ чистой водѣ, свята по его ученію. Вода употреблялась при обрядахъ очищенія, великомъ и маломъ 2). У Египтянъ Нилъ, имѣвшій громадное физическое и историческое значеніе, не меньшее значеніе имѣлъ въ культѣ. Древніе Египтяне называли эту рѣку святѣйшею, отцемъ, хранителемъ земли, и наконецъ божествомъ. Въ немъ видѣли они олицетвореніе бога Аммона, воздвигали ему храмы, сооружали алтари, слагали о немъ множество поэтическихъ сказаній. Съ нимъ непосредственно связана въ египетская. По халдейской космогоніи, когда существовала только хаосъ, міромъ полновластно управляла женщина—Оморка (море) 3). Армяне водѣ и въ особенности рѣкѣ Евфрату воздавали почести, какъ благодѣтельному божеству и приносили ей въ жертву коней 4). Финикияне приносили жертвы водѣ,

1) Исторія религій. Т. I.

2) Исторія рел. т. III.

3) *ibid*,4) *ibid*.

какъ живцу Посейдона, Повта, Нерей и Тифона ¹⁾). У Грековъ, посвящаемые въ Элевзинскія таинства купались предварительно въ водахъ рѣки Илисса ²⁾). Адъ Рямлянъ, по преданіямъ народнымъ, находился подъ озеромъ Аверна въ римской Кампаніи ³⁾). У волхвовъ халдейскихъ, равно какъ и другихъ народовъ, вода служила, да и до сихъ поръ служить средствомъ гаданій и чародѣйства ⁴⁾). Мы не говоримъ о священныхъ прудахъ, источникахъ и колодцахъ, существовавшихъ почти у всѣхъ языческихъ народовъ при храмахъ; не говоримъ также о разныхъ омовеніяхъ общественныхъ и частныхъ, имѣвшихъ кромѣ гигиеническаго и религіознаго значеніе. О послѣднихъ мы скажемъ, когда будемъ разсматривать дальнѣйшее образованіе частныхъ формъ крещенія.

Если у языческихъ народовъ вода, моря, рѣки и источники имѣли религіозное значеніе отчасти въ слѣдствіе своихъ физическихъ свойствъ, обуславливающихъ ихъ матеріальное существованіе, отчасти въ слѣдствіе нравственнаго понятія, перенесеннаго на естественное свойство этой стихіи—очищать нечистое,—то у израильскаго народа, игравшаго особенную роль въ средѣ до-христіанскаго человѣчества,—роль избраннаго народа, изъ среды котораго имѣлъ происойти Искупитель падшаго человѣчества,—вода, море, рѣка, источникъ получили значеніе въ слѣдствіе такого или иного отношенія къ ихъ исторической богоуправляемой судьбѣ и въ слѣдствіе такого или иного отношенія къ Мессіи. Водой было омыто допотопное человѣчество и изъ его разстлѣнной среды выдѣлено семейство, изъ котораго долженъ былъ произойти во-

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Истор. рел. т. VI.

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Истор. религ. т. IV.

вый родъ и въ частности—Израиль. Море красное было купелью, въ которой, по воззрѣнію Апостола Павла, освобожденные изъ рабства египетскаго израильтяне крестились въ Моисея, своего освободителя. Берегъ Иордана служилъ мѣстомъ обрѣзанія, совершеннаго Иисусомъ Навиномъ. Въ Иорданѣ же крестилъ Іоаннъ. Силоамская купель, въ которую сходилъ Ангелъ возмудять воду, была цѣлебною купелью для тѣлесно больныхъ.

Допускать историческую связь употребленія воды въ христіанскомъ крещеніи, съ значеніемъ, какимъ пользовалась она въ языческомъ культѣ, мы конечно не имѣемъ права: отчасти потому, что значеніе это обуславливалось причинами случайными и было весьма различно, отчасти потому, что въ самомъ происхожденіи христіанскаго крещенія нѣтъ и слѣдовъ этой связи. Но принимая въ расчетъ аналогію въ этомъ отношеніи между языческими народами и народомъ іудейскимъ, мы должны сказать, по крайней мѣрѣ, что язычество подготовлено было или лучше само подготовило себя чрезъ высокое понятіе о водной стихіи, чрезъ уваженіе къ рѣкамъ и источникамъ, къ великому таинству, которое имѣло начаться на Иорданѣ. Независимо отъ физическихъ качествъ воды, во всѣхъ ея видахъ, до-христіанское язычество видѣло что-то божественное въ этой стихіи, присутствіе божественной силы, производящей жизнь, очищающей, обновляющей физически и нравственно. Язычнику не трудно было соединить съ этимъ представленіемъ мысль о благодатной силѣ, сообщенной этой стихіи воплотившимся Богомъ. Для него безразлично было, Иорданъ ли явился представительницею рѣкъ и воды вообще, или другая рѣка. Ничего не сообразнаго не могло быть для него въ томъ, что благодать искупленія или спасающая божественная сила избрала своимъ орудіемъ воду, стихію чистую, святую. Этимъ то безъ сомнѣнія объясняется и то об-

стоятельство, что христіанское крещеніе съ этой стороны менше всего встрѣчало возраженій и не возбуждало насмѣшекъ, которыми нерѣдко осыпали философы другіе христіанскіе обряды. Въ немъ видѣли явленіе, совпадавшее съ религиозными воззрѣніями дохристіанскихъ религій, форму кавѣстную уже. Христіанство такимъ образомъ поступило въ этомъ отношеніи вполне послѣдовательно явдось представителемъ дохристіанскаго сознанія, соединивъ съ нимъ новую идею, до которой оно само не въ силахъ было подняться: кто не родится не только водою, но и Духомъ, тотъ не можетъ войти въ царство небесное.

Если вода въ дохристіанскомъ языческомъ культѣ вообще была стихіею, въ которой и чрезъ которую дѣйствовала сила божественная очистительнымъ образомъ, насколько могло представить это до-христіанское сознаніе, если въ іудейскомъ крещеніи прозелитовъ и въ крещеніи іорданскомъ она была символомъ законнаго оправданія,—то въ христіанскомъ крещеніи она получила высшее и болѣе конкретно-реальное значеніе, стала не только символомъ, но и средствомъ внутренняго благодатнаго возрожденія и очищенія отъ всякаго грѣха—возрожденія, совершеннаго самолично Богочеловѣкомъ Иисусомъ Христомъ, заслуги котораго усвоятся въ крещеніи лично крещающемуся, въ слѣдствіе чего (на послѣдняго нисходитъ Духъ Святой. А такъ какъ съ очищеніемъ и возрожденіемъ въ христіанскомъ крещеніи непосредственно связало сообщеніе Духа Святаго и Его благодатныхъ даровъ, то рядомъ съ водою, какъ символомъ обновленія, въ обрядѣ христіанскаго крещенія является новый символъ: возложеніе рукъ. Оба эти элементы—вода и возложеніе рукъ, составили такимъ образомъ сущность христіанскаго крещенія.

Въ какой *формѣ* совершался самый актъ крещенія водою,—сказать объ этомъ съ рѣшительностію нель-

ва. Съ вѣроятностію только можно предполагать, согласно съ Августи, что апостольская практика не знала позднѣйшаго обряда *окропленія* или *обливанія* (*ritus adpersionis*), а употребляла *погруженіе* (*ritus immersionis*). Послѣдній обрядъ, какъ самая естественная и непосредственная форма тѣлеснаго омовенія, былъ во всеобщемъ употребленіи у азычскихъ народовъ. Купанье въ рѣкахъ и источникахъ было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, какъ мы уже видѣли. Какъ совершилось крещеніе Іоанново, мы не знаемъ; но весьма вѣроятно, что оно состояло именно въ погруженіи въ воды Іордана. Если сопоставить замѣчаніе евангелистовъ о крещеніи І. Христа, что Онъ крестившись *вышелъ изъ воды* и замѣчаніе книги Дѣяній о евнухѣ и Филиппѣ, что они оба *сошли въ воду* и Филиппъ крестилъ его,—не остается никакого сомнѣнія, что промежуткомъ времени между входомъ въ воду и выходомъ изъ воды въ томъ и другомъ случаѣ занималъ именно обрядъ погруженія, такъ какъ обливаніе или окропленіе могло быть совершенно и внѣ рѣки на берегу.

Названія крещенія въ священныя книги заключаютъ въ себѣ *понятіе погруженія*. О βαπτισμῶν; и τὸ βάπτισμα, разсматривать ли ихъ какъ синонимы или нѣтъ, по этимологичи и словоупотребленію обозначаютъ погруженіе, и употребленіе этихъ названій падаетъ на время, когда вошедшій впоследствии въ употребленіе на западѣ обрядъ окропленія не былъ извѣстенъ. Въ ветхомъ завѣтѣ какъ βάπτω, такъ и βαπτίζω есть переводъ еврейскихъ глаголовъ, однозначущихъ съ латинскими: tingo, immergo, ¹⁾ submergor, ²⁾ которые выражаютъ понятіе погруженія во что-нибудь. Съ такимъ же

¹⁾ Мовс. XII, 22. 2 Цар. 5, 14.

²⁾ Ис. IX, 16. LXIX, 3. Іерем. XXXVIII, 6 и др. Дян. IV, 30; V, 23.

значеніемъ употребляются они и въ новозавѣтныхъ книгахъ, гдѣ *βάπτισμα*, по вычисленію ученыхъ, встрѣчается три раза, а *βαπτίζω* около тридцати разъ. 1) Замѣчаютъ, правда, нѣкоторое различіе въ употребленіи этихъ двухъ формъ. Когда идетъ рѣчь объ Іоанновомъ крещеніи, употребляется *βάπτισμα*; 2) оно же употребляется, когда говорится о христіанскомъ крещеніи, какъ постоянномъ институтѣ. 3) Напротивъ *βαπτίζω* большею частію употребляется тамъ, гдѣ рѣчь о всякаго рода омовеніи. Но было бы несправедливо выводить изъ этого, что *βάπτισμα* означаетъ обыкновенныя омовенія и очищенія (при богослужебныхъ обрядахъ, священныя сосудахъ и т. д.) а *βαπτίζω* напротивъ таинственное дѣйствіе или крещеніе и еще несправедливѣе переносить это различіе на форму совершенія самаго акта крещенія и допускать различіе въ этомъ отношеніи въ практикѣ апостольской; ибо различіе это не всегда соблюдается строго и относительно одного и того же акта въ одномъ мѣстѣ употребляется такая форма, въ другомъ иная. Позднѣйшая же практика рѣшительно противъ такого различія.

Еще болѣе характерное названіе, наглядно выражающее форму акта крещенія—названіе *банею* (*λουτρόν lavacrum*) Въ посланіи къ Ефесянамъ говорится о церкви, что Христосъ предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною посредствомъ слова. 4) Еще выразительнѣе говорится въ посланіи къ Титу: Онъ (Богъ) спасъ насъ..... по своей милости *банею возрожденія* (*λουτρόν κατήχευσεως*). Нѣтъ

1) Denkwürd. В. XII, §. 5.

2) Матѳ. III, 7 и др.

3) Рим. VI, 4. Ефес. IV, 5 и др.

4) V, 26.

5) III, 5.

нужны говорить, что здѣсь разумѣется не простая обыкновенная баня въ языческомъ смыслѣ, а овященное дѣйствіе христіанской церкви, чрезъ которое совершается внутреннее благодатное омытіе. Но намъ кажется, что Апостолъ не безъ намѣренія употребилъ эти названія. Онъ хотѣлъ противопоставить крещеніе банямъ языческимъ, имѣвшимъ религиозное значеніе, какъ напр. баня Палады (lavacrum Palladis) или купанье въ рѣкахъ Инда и Ганга и пр., и чрезъ это сопоставленіе повидимому аналогичныхъ явленій наглядно представить сущность христіанскаго крещенія, его различіе и превосходство надъ всякаго рода религиозными омовеніями. Сопоставленіе это интересно и въ томъ отношеніи, что Апостолъ, какъ кажется, ставитъ крещеніе христіанское въ нѣкоторую связь съ до-христіанскими языческими омовеніями, подобно тому, какъ связываетъ онъ его съ крещеніемъ Іоанна, съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ онъ прямо уваживаетъ эту связь, тогда какъ въ первомъ онъ лишь намекаетъ на нее. Это вполнѣ согласно съ общимъ возрѣніемъ апостола на язычество и его отношеніе къ христіанству. Во всѣхъ религиозныхъ учрежденіяхъ языческихъ онъ видитъ слабые проблески божественнаго руководительства, подготовляющія къ имѣющему совершиться возрожденію человечества въ христіанствѣ. Въ силу этого въ его представленіи христіанское крещеніе какъ бы неволью сливается или падаетъ подъ одну категорию съ религиозными омовеніями или банями язычества, очищавшими, по мнѣнію язычниковъ, не тѣлесно только, но и душевно, нравственно. Названіе банею ясно даетъ понять, что въ христіанскомъ крещеніи вода употребляется не для формы только, но имѣетъ значеніе существеннаго элемента, въ силу своего естественнаго свойства—очищать дѣйствительно тѣлесную нечистоту и только съ этимъ естественнымъ свойствомъ непосредственно соединяется высшее ея значеніе, какъ сред-

ства возрожденія. Поэтому въ крещеніи, какъ въ банѣ, гдѣ обыкновенно погружалось язычникъ въ ванны, человекъ дѣйствительно омывается весь водою, погружаясь въ нее всецѣло, и чистый тѣлесно, выходитъ изъ нея чистымъ и нравственно, возрожденный Духомъ Святымъ. Погруженіе наглядно выражаетъ понятіе смерти, такъ что погружившійся какъ будто умеръ для прошедшаго, возникая изъ воды онъ какъ бы снова рождается для будущаго, для христіанства. Оно поэтому какъ нельзя больше выражаетъ мысль І. Христа—родиться водою и Духомъ, и оно же, нужно полагать, разумѣется у апостола, когда онъ называетъ крещеніе не только банею водою, но банею возрожденія.

Что существо христіанскаго крещенія должно было, по мысли І. Христа, символически представить Его смерть и соумертвіе съ Нимъ людей—это показываетъ то, что Онъ называетъ крещеніемъ свою смерть. «Можете ли—говоритъ Онъ ученикамъ—креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь?»... Крещеніемъ долженъ я креститься—говоритъ въ другой разъ. ¹⁾ Такъ дѣйствительно смотрѣли апостолы на христіанское крещеніе, какъ на соумертвіе со Христомъ, какъ на подобіе Его смерти. «Не ужели вы не знаете—говоритъ апостоль Павелъ Римлянамъ,—что всѣ мы, крестившіеся во Христа Ісуса, въ смерть Его крестились. И такъ, мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть.... Если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти Его, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія». ²⁾ Бывъ погребены съ Нимъ въ крещеніи—говоритъ тотъ же апостоль Колоссаямъ—въ немъ вы и воскресли.... Апостоль Петръ образъ христіанскаго крещенія видитъ въ потопѣ и говоритъ: «такъ и насъ нынѣ, подобное ему

¹⁾ Марк. 10, 38. 39. Лук. 12, 50.

²⁾ Гл. 6, 3—5.

образу крещеніе, не плотской нечистоты смытіе, но обѣщаніе Богу доброй совѣсти, спасаетъ воскресеніемъ І. Христа.» Всѣ эти метафоры, вполне выражающія сущность, основную идею христіанскаго крещенія, предполагаютъ въ тоже время погруженіе, какъ форму вполне ей соответствующую. Если даже допустить невѣроятное предположеніе, что такая форма не существовала еще въ апостольской практикѣ, во всякомъ случаѣ она должна была явиться скорѣе, чѣмъ всякая другая, какъ форма самая естественная и цѣлесообразная. Есть, правда, въ священныхъ книгахъ выраженія, повидимому, благоприятствующія формѣ окропленія или обливанія. У пророковъ предсказано, что Богъ *излетъ* нѣбогда Духа... *окропитъ* водою чистую.... У Ап. Петра есть выраженіе: *окропленіе кровію.* *) Съ этими выраженіями не трудно было связать и дѣйствительно связываютъ употребленіе окропленія и обливанія. Хотя сущность крещенія отъ этого нисколько не страдаетъ, тѣмъ не менѣе эта связь съ библейскими выраженіями уже болѣе отдаленная и искусственная.

Автъ крещенія совершался ли безмолвно въ апостольское время или съ произнесеніемъ *известныхъ словъ*,—не извѣстно. Но это и не особенно важно. Гораздо важнѣе то, что Самимъ Спасителемъ дана опредѣленная формула для крещенія: *«идите и научите вся народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.»* Мы не въ правѣ утверждать рѣшительно, что апостолы примѣняли эту формулу въ практикѣ крещенія; но нѣтъ основанія также и отрицать ея употребленіе. Поводъ къ этому отрицанію, правда, могутъ дать нѣкоторыя мѣста писанія. Въ книгѣ Дѣяній разсказывается, напримѣръ, о язычн кахъ, слушавшихъ проповѣдь Петра, на

которых во время самой проповѣди сошелъ Духъ Святый, и прибавляется, что Петръ велѣлъ имъ креститься во имя І. Христа. 1) Въ другомъ мѣстѣ рассказывается о самарянахъ, крестившихся во имя Господа Іисуса, но еще не получившихъ Духа Св.; 2) то же самое выраженіе употребляется въ рассказѣ о двѣнадцати эфесскихъ ученикахъ, принявшихъ Іоанново крещеніе. 3) Въ посланіи къ Римлянамъ говорится, что воѣ; крестившіеся во Христа Іисуса, въ смерть Его крестились. Но достаточно бѣлаго чтенія этихъ мѣстъ, чтобы видѣть, что въ мѣстахъ Дѣяній и рѣчи нѣтъ о формулѣ крещенія: онѣ представляютъ лишь рассказъ о крестившихся, а самый обрядъ крещенія или предполагается, какъ фактъ совершившійся, или же опускается, какъ неизмѣющій отношенія къ цѣли повѣствователя. Что же касается до крещенія въ смерть Христову, то это фигуральный оборотъ, выражающій нравственное значеніе крещенія и употребленный Апостолами съ цѣлю назиданія. Страннымъ представляется послѣ этого, что Августинъ видитъ въ этихъ мѣстахъ указаніе на различныя формулы. Онъ приводитъ въ объясненіе мнимой формулы: «во имя І. Христа» замѣчаніе древнихъ отцовъ церкви, что во всѣхъ этихъ случаяхъ Христосъ заключалъ въ себѣ ученіе и исповѣданіе тріединнаго Бога. Но это объясненіе, какъ ни вѣрно оно само по себѣ, въ данномъ случаѣ совершенно излишнее. Христосъ—Спаситель и Основатель новой религіи, и всѣ крестившіеся крестились въ Него: въ рассказѣ естественно было употребить Его имя, а не приводить литургическую формулу крещенія. Когда говорится у насъ, что такой-то принялъ католическое или православное крещеніе,—никто не скажетъ

дочевно, что здѣсь включается формула крещенія: таково свойство и разсказа книги Дѣяній. Если мы припомнимъ наконецъ одно выраженіе апостола Павла, на которое не обращаютъ никакого вниманія, но которое даетъ, по нашему мнѣнію, ключъ къ рѣшенію даннаго вопроса, то для насъ вѣщи не сомнѣннымъ станутъ, что въ апостольской практикѣ крещенія употреблялись слова, имѣвшія рѣшительное значеніе въ таинствѣ. Онъ говоритъ о церкви, что Христосъ предаде себя за нея, чтобы освятить ея, очистиши банею водою . посредствомъ слова (ἐν ῥήματι). Спрашивается, что разумѣть подъ этимъ выраженіемъ? Разумѣть ученіе вообще ни въ какомъ случаѣ нельзя, потому, что ἐν ῥήματι непосредственно слѣдуетъ за банею водою, а ученіе всегда предшествовало акту крещенія; при томъ ῥήμα имѣетъ здѣсь рѣшительное и окончательное значеніе для акта крещенія, тогда какъ ученіе было лишь подготовительнымъ актомъ. Чтобы приблизительно уяснить себѣ смыслъ этого выраженія, мы должны припомнить здѣсь слова того же апостола къ Тимошею, что все хорошо, что освящается словомъ Божиимъ и молитвою. Этотъ взглядъ проходить чрезъ всю практику апостольскаго богослуженія; онъ примѣняется къ практикѣ евхаристической и, безъ всякаго сомнѣнія, простирается и на практику крещенія. Крещеніе само по себѣ въ формѣ простаго омовенія могло бы имѣть конечно не болѣе значенія, чѣмъ сколько имѣло крещеніе Іоанново, если бы І. Христосъ не освятилъ его личнымъ примѣромъ и не далъ апостоламъ божественнаго права и власти совершать его. Это право и власть даны имъ тогда, когда сказано было имъ: *идите и научите все народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа*. Чтобы право и власть могли получить въ крещеніи реальное осуществленіе, и чтобы крещеніе могло имѣть реальную силу, какую оно должно было имѣть по намѣренію Спасителя, апостолы дол-

жны были буквально исполнить волю Учителя; должны крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа. Въ этихъ словахъ заключалась объективная сила крещенія какъ таинства. Но съ этимъ объективнымъ элементомъ таинства,—съ фантическимъ выраженіемъ воли Установителя долженъ былъ соединяться элементъ субъективный—выраженіе личныхъ чувствъ и желаній какъ со стороны совершителя таинства, такъ и со стороны того, надъ кѣмъ таинство совершается, т. е. молитва. Это соединеніе слова Божія и молитвы при совершеніи крещенія и нужно разумѣть у апостола подъ выраженіемъ *ἐν ῥήματι*. Что молитва входила въ составъ обряда крещенія, изъ практики апостольской не видимъ, но по намѣренію Установителя крещенія, выраженному при Его крещеніи, она должна входить въ составъ ея. Евангелистъ Маркъ, рассказывая о крещеніи І. Христа, замѣчаетъ, что, когда Ісусъ, *крестившимся моимся*, отверзлось небо и пр. Странно думать, чтобы примѣръ Спасителя остался безъ подражанія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что обрядъ христіанскаго крещенія, уже на первыхъ порахъ навѣрное, независимо отъ слѣдующаго за нимъ непосредственно таинства, отличался отъ обряда крещенія Іоаннова, если апостолы находили важнымъ совершать первое даже надъ тѣмъ, кто принималъ уже послѣднее и въ числѣ отличій первое мѣсто безъ сомнѣнія принадлежало преподанной Спасителемъ формулѣ съ собственно-христіанскою молитвою. При томъ сами апостолы придавали крещенію такую важность, что не считали свободными отъ него даже тѣхъ, которые получили Духа Святаго,—чего не могло бы быть, если бы въ самомъ обрядѣ не было такого рѣшительнаго момента, съ которымъ бы соединялось дѣйствіе благодати, а такимъ моментомъ могло быть выраженіе и осуществленіе божественной воли въ Его словѣ.

Въ непосредственной связи съ крещеніемъ въ апостольской практикѣ стояло, какъ мы уже видѣли отчасти, *возложение рукъ*, служившее средствомъ и видимымъ вещественнымъ символомъ таинственнаго сообщенія Духа Св., которое должно было составлять, по мысли Спасителя, и составляло дѣйствительно высшій моментъ крещенія, или—говоря словами Спасителя,— *крещеніе Духомъ*.

Въ своемъ историческомъ происхожденіи, равно какъ въ литургической практикѣ эти два акта—крещеніе водою и крещеніе Духомъ отдѣляются одо отъ другаго значительнымъ промежуткомъ времени. Надъ апостолами, принявшими крещеніе водою (Іоанново конечно) крещеніе Духомъ впервые совершилось въ день Пятидесятницы. Но по мысли Спасителя эти акты должны составлять одно цѣлое: *кто не родится водою и Духомъ, тотъ не можетъ войти въ царство Божіе*; значить тотъ и другой актъ вмѣстѣ взятые составляютъ *conditio sine qua non*,—условіе, безъ котораго нельзя быть христіаниномъ, участвовать въ благодарованныхъ правахъ и спасительныхъ дарахъ. Сами апостолы тогда только сдѣлались христіанами въ собственномъ смыслѣ, когда приняли Духа Святаго.

Если въ апостольской литургической практикѣ крещеніе водою и крещеніе Духомъ иногда отдѣлялись одно отъ другаго; то это зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ; вообще же апостолы смотрѣли на крещеніе Духомъ, какъ на завершеніе крещенія водою, безъ котораго послѣднее считали недостаточнымъ. Оба акта, такимъ образомъ, и по мысли Спасителя и по привычкѣ въ практикѣ апостольскаго, хотя и могли быть совершаемы и совершались иногда отдѣльно, тѣмъ не меньше только вмѣстѣ вводятъ въ царство Христово и утверждаютъ въ его правахъ, но въ то же время они не слѣваются, не отождествляются одно съ другимъ, а составляютъ

два самостоятельныя, по существу и формѣ отличныя другъ отъ друга таинства.

Въ VIII главѣ Дѣяній, гдѣ разсказывается о крещеніи самарянъ Фялппомъ, говорится: находившіеся въ Іерусалимѣ апостолы, услышавъ, что самаряне приняли слово Божіе, послали къ нимъ Петра и Іоанна, которые пришедши помолились о нихъ, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Онъ не сохотѣлъ еще ни на одного изъ нихъ, а только были они крещены во имя Господа Іисуса. *Тогда возложили руки на нихъ, и они приняли Духа Св.* Точно также говорится въ XIX главѣ о двѣнадцати ефесскихъ ученикахъ. Апостолъ Павелъ спрашиваетъ ихъ: приняли ли они Духа Св. и узнавъ, что они и не слышали: есть ли Духъ Святыи, и что крещены Іоанновымъ крещеніемъ, сообщилъ имъ понятіе объ этомъ крещеніи. *«Услышавъ это они крестились во имя Господа Іисуса. И когда Павелъ возложилъ на нихъ руки, низшелъ на нихъ Духъ Св., и они стали говорить иными языками и пророцествовать».*

Западные протестанскіе ученые не хотятъ видѣть въ этихъ фактахъ того самого таинства, которое въ послѣ-апостольской практикѣ приняло нѣсколько иную форму и получило иное названіе, т. е. *мѣропомазаніе* или *конфирмацію*. Августинъ думаетъ, что въ приведенныхъ мѣстахъ идетъ рѣчь о какомъ-то чрезвычайномъ событіи, объ особенномъ сообщеніи апостолами благодатныхъ чудесныхъ даровъ. Въ доказательство этого ссылается на то обстоятельство, что Симонъ волхвъ, увидѣвши, что чрезъ возложеніе рукъ апостольскихъ дается Духъ Св., хотѣлъ купить у нихъ власть низводить Духа Святаго. Этимъ, по его мнѣнію, нужно объяснять и то, что при другихъ случаяхъ крещенія о рукоположеніи вовсе не упоминается. Такъ при торжественномъ крещеніи трехъ тысячъ человѣкъ, гдѣ хотя упоминается о сообщеніи Св. Духа, но не

поминается о возложеніи рукъ, ¹⁾ или при крещеніи Лидіи и ея дома, ²⁾ или больничнаго стража и его семейства. ³⁾ Подобнымъ же образомъ объясняютъ приведенныя мѣста и почти всѣ новѣйшіе толкователи съ тою незначительною разницею, что многіе съ Ейхгорномъ подъ тѣмъ же *ἀγρον* разумѣютъ особенный энтузіазмъ.

Странно, что Августинъ, повидимому добросовѣстно и непредубѣжденно относящійся къ фактамъ апостольской жизни, въ этомъ случаѣ поступаетъ какъ будто съ предзанятою мыслию. Онъ забываетъ, что вся апостольская жизнь представляетъ нѣчто необыкновенное. Въ особенности же необыкновенно было явленіе Св. Духа, которое всегда обнаруживалось какими-нибудь особенными явленіями. Онъ упускаетъ изъ виду то слѣшкомъ простое обстоятельство, что Самъ Христосъ поставилъ крещеніе Духомъ въ необходимую связь съ крещеніемъ водою. Что именно разумѣлъ Онъ подъ крещеніемъ Духомъ—Онъ Самъ объяснилъ это ученикамъ предъ разлукою съ ними. И мы знаемъ изъ исторіи, въ чемъ состояло это крещеніе Духомъ. *«При наступленіи дня Пятидесятницы всѣ были единодушно вмѣстѣ. И внезапно сдѣлался шумъ съ неба, каковы бы отъ несущагося сильнаго вѣтра и наполнилъ весь домъ, гдѣ они находились. И исполнились всѣ Духа Святаго и начали говорить на друиыхъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провъщавать.»* Подобными же явленіями, хотя не всегда въ одинаковой мѣрѣ, сопровождалось сообщеніе Духа—черезъ возложеніе рукъ апостольскихъ. Это и есть то самое рожденіе Духомъ, которое приняли апостолы въ день Пятидесятницы, в ко-

няхъ Его, потому что крещеніе это совершилось случайно и проявленія Духа были бы безцѣльны. Что касается наконецъ того, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ сошествіе Св. Духа совершилось независимо отъ рукоположенія, то это исключеніе, отнюдь не говорящее противъ обыкновеннаго способа сообщенія Духа. Въ первомъ случаѣ сошествіе Св. Духа на язычниковъ во время проповѣди имѣло цѣлю особеннымъ образомъ показать язычникамъ божественность христіанства; въ послѣднемъ крещеніе совершенно Филиппомъ, который не имѣлъ права совершать рукоположеніе, а между тѣмъ исключительное положеніе евнуха потребовало, чтобы онъ получилъ Духа Святаго. И вообще нужно сказать, что въ апостольское время Духъ Божій дѣйствовалъ и независимо отъ обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ, какъ хотѣлъ.

Коль скоро такъ произвольно тозкуютъ приведенныя мѣста, которыя ясны какъ день бѣлый, то болѣе естественнаго и прямого отношенія къ другимъ мѣстамъ, относящимся къ происхожденію разсматриваемаго таинства, нельзя и ожидать. Въ первомъ посланіи Іоанна читаемъ: *«Вы имѣете помазаніе отъ Святаго и знаете все; помазаніе, которое вы получили отъ Него, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ: но самое сіе помазаніе учитъ васъ всему и оно истинно и не ложно ¹⁾»*. Подобно этому говорятъ апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринтянамъ: *«утверждающій же насъ съ вами во Христѣ и помазавшій насъ есть Богъ, Который и запечатлѣлъ насъ и одалъ залогъ Духа въ сердца наши ²⁾»*. Выраженіе: *помазаніе*

¹⁾ Іоан. 2, 20. 27.

²⁾ 3 Кор. I 21. 22. Ср. Ефес. 1, 13: „въ Немъ и вы... запечатлѣны обѣтованнымъ Св. Духомъ: 4, 30: не оскорбляйте Св. Духа Божія, которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія.“

(*χρῆμα*) въ православной и римско-католической догматикѣ относится къ миропомазанію или кофирмаціи. Мы согласны съ замѣчаніемъ Августи, что нельзя доказать, что здѣсь говорится о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ духовнаго помазанія, царскаго и священническаго достоинства христіанъ ¹⁾, и сообщенія чрезвычайныхъ даровъ Духа. Но не можемъ не спросить при этомъ: какъ могли понимать это читатели апостольскихъ посланій, если предположить, что о помазаніи вещественномъ они не знали ничего. Допустимъ, что помазаніе въ той формѣ, въ какой совершалось оно надъ іудейскими царями и священниками, было имъ извѣстно но если помазаніе надъ ними самими не совершалось, если они не знали никакого вещественнаго знака, который бы символизировалъ для нихъ внутреннее духовное помазаніе, какъ могли бы постигнуть они это послѣднее? Возраженія эти получаютъ тѣмъ большую силу, если согласиться съ Августи, что и рукоположеніе, какъ средство сообщенія Св. Духа, составляло нѣчто особенное, употреблялось только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ такомъ случаѣ и апостолы не могли бы говорить объ общемъ священствѣ и царскомъ достоинствѣ христіанъ и читатели ихъ посланій не могли бы ихъ понимать. Они могли бы спросить: когда же они получили это помазаніе и вмѣстѣ съ нимъ священство и царское достоинство? Между тѣмъ апостолы говорятъ о помазаніи отъ Святаго и запечатлѣніи; какъ о вещи обыкновенной, всѣмъ извѣстной и понятной, не требующей даже объясненія. Напротивъ апостоль Іоаннъ считаетъ какъ будто лишними даже свои предостереженія въ виду того, что помазаніе учить всему. Помазаніе какъ внутренній, духовный актъ, составляющій едва ли не

¹⁾ Въ этомъ смѣслѣ и Іисусъ Христосъ называется помазанникомъ Возимъ. Дѣян. IV, 27. X, 38.

самый трудный пунктъ для узсненія, могъ быть понятенъ лишь въ связи съ соотвѣствующимъ символическимъ дѣйствіемъ, признать ли такимъ дѣйствіемъ рукоположеніе или миропомазаніе, или то и другое ¹⁾.

На основаніи Писанія можно допустить, что въ апостольской практикѣ употреблялись обѣ эти формы,—рукоположеніе и помазаніе, хотя не одновременно. Замѣчательно, что намекъ на помазаніе, равно какъ на священство и царство, мы встрѣчаемъ только въ посланіяхъ и Анонаницистѣ, появленіе которыхъ падаетъ на конецъ апостольскаго вѣка, тогда какъ в руковоложеніи находимъ свидѣтельства въ Дѣяніяхъ, описывающихъ начальную дѣятельность апостоловъ. Изъ этого съ большою вѣроятностію можно заключить, что рукоположеніе, какъ форма болѣе простая и подручная, была употребляема на первыхъ порахъ, со временемъ же, когда отдѣльные акты стали принимать болѣе опредѣленный видъ, когда формы стали индивидуализироваться, вмѣсто рукоположенія, употребляемаго при посвященіи въ церковную должность, стали употреблять помазаніе.

Впрочемъ какъ ни странно отрицаніе рукоположенія, какъ обыкновенной формы сообщенія Св. Духа апостолами, какъ ни сильно возраженіе, которое остается не рѣшеннымъ при отрицаніи въ приведенныхъ мѣстахъ намекъ на употребленіе помазанія, какъ ни естественнымъ представляется послѣдовательное примѣненіе этихъ двухъ формъ, мы готовы даже не настаивать на существованіи ихъ въ апостоль-

¹⁾ Когда Апостоль говоритъ о Коринтянахъ, что они *омылись и освятились* именемъ Господа нашего І. Христа и Духомъ Бога нашего, то этимъ напоминаетъ не одно *крещеніе* во имя І. Христа, но и *освященіе* Духомъ Божиимъ, которое, какъ и омовеніе, прелюблагаетъ соотвѣтственный символъ (І п. 6, 11).

своей практикѣ въ качествѣ обыкновенныхъ принятыхъ формъ опредѣленнаго таинства, получившаго въ послѣдствіи названіе миропомазанія. Но гдѣ же не меньше мы рѣшительно утверждаемъ, что послѣ-апостольская церковь совершенно права, если рядомъ съ крещеніемъ дала мѣсто особому самостоятельному таинству—миропомазанію, поставивъ его въ связь съ рассмотрѣнными мѣстами. Подобно апостоламъ она исполнѣ поняла мысль и намѣреніе своего Главы: кто не родится водою и Духомъ, тотъ не можетъ войти въ царство Божіе, иначе говоря: не можетъ быть членомъ Церкви Христовой.

Литургическіе элементы для этого таинства даны отчасти въ практикѣ, отчасти въ писаніяхъ апостольскихъ. *Возложеніе рукъ*—считаетъ ли это обыкновенною или особенною формою сообщенія Св. Духа—все равно—естественно должно было перейти къ епископамъ, какъ непосредственнымъ преемникамъ власти и правъ апостольскихъ, а чрезъ нихъ къ пресвитерамъ, и оно-то безъ сомнѣнія составило форму отдѣльнаго таинства, когда формы таинства начали обособляться и получать литургическое образованіе. Въ посланіи къ евреямъ Апостоль Павелъ ставитъ возложеніе рукъ рядомъ съ крещеніемъ, въ числѣ начатковъ ученія Христова ¹⁾. Но намъ извѣстно, что руковоложеніе же употреблялось и при избраніи на церковныя должности: чрезъ возложеніе рукъ принимали въ число 12-ти Матвеев, чрезъ руковоложеніе ставили епископовъ; послѣдніе въ свою очередь получили отъ апостоловъ право рукополагать на должность пресвитера, какъ показываютъ пастырскія посланія апостола Павла. Если же

¹⁾ VI, 2: „Почему оставилъ начатки ученія Христова...не станешь снова полагать основаніе... ученію о крещеніяхъ, о возложеніи рукъ и пр.

при самих апостолахъ, то послѣ нихъ естественно могъ возникнуть вопросъ: въ чемъ же должно состоять различіе между рукоположеніемъ, какъ избраніемъ на священство, и руковожденіемъ, какъ сообщеніемъ благодатныхъ даровъ, необходимыхъ для утвержденія въ христіанской вѣрѣ и жизни. Вопросъ этотъ долженъ былъ получить тѣмъ большую силу, что тожъ искупительной благодати, удалаясь отъ своего божественнаго начала, долженъ былъ принять болѣе периферическое направленіе, перейти къ проводникамъ болѣе посредственнымъ, а съ этимъ вмѣстѣ права епископовъ должны были перейти къ пресвитерамъ. Въ тогдашнее время—время борьбы и религиозныхъ движеній весьма легко могло бы случиться, что тожество формы повело бы къ отождествленію правъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ недоразумѣніямъ и спорамъ, какъ это и случилось въ позднѣйшее время. При дальновидности апостоловъ нельзя ожидать, чтобы сами они не устранили возможности подобныхъ недоразумѣній и споровъ; или по крайней мѣрѣ не дали отвѣта на этотъ вопросъ. По крайней мѣрѣ намекъ на рѣшеніе этого вопроса мы не можемъ не видѣть въ мѣстахъ посланій, говорящихъ о помазаніи, въ связи съ мѣстами, говорящими объ общемъ священствѣ и объ освященіи. Впрочемъ, если принять даже, что Апостолъ съ помазаніемъ соединялъ представленіе о рукоположеніи, какъ сообщеніи Духа Святаго—мѣста эти во всякомъ случаѣ могли и должны были послужить основаніемъ для послѣ-апостольской практики при рѣшеніи вопроса о формальномъ отличіи двухъ таинствъ, при чемъ рукоположеніе составило отличительное свойство и символъ сообщенія благодати священства въ специфическомъ смыслѣ, а *микропомазаніе* усвоено таинству сообщенія благодатныхъ даровъ непосредственно послѣ крещенія. Съ этимъ измѣненіемъ въ формѣ въ сущности таинство нисколько не измѣнилось. Помазаніе елеемъ употреб-

лялось въ культѣ іудейскомъ, какъ символъ царскаго и священническаго достоинства. Но въ то время, какъ тамъ оно было лишь внѣшнимъ символомъ, въ христіанскомъ таинствѣ оно получило существенное значеніе, стало вещественнымъ средствомъ, чрезъ которое сообщаются божественные благодатные дары Духа Св. Поэтому въ замѣнѣ рукоположенія муропомазаніемъ нѣтъ ничего несообразнаго, и оно вполне отвѣчаетъ мысли апостоловъ объ общемъ помазаніи отъ Святаго и объ общемъ царскомъ и священническомъ достоинствѣ христіанъ и объ освященіи Духомъ Святымъ. Очень могло быть конечно, что при этомъ раздѣленіи, въ позднѣйшее время имѣлось въ виду и возвысить священническое достоинство въ собственномъ смыслѣ, и предъ послѣднимъ дать предпочтене епископству, рукоположеніе усвоивъ ему исключительно, какъ думаютъ нѣкоторые. На это если и было цѣлю, то развѣ второстепенною; главная же цѣль та, чтобы дать каждому таинству свою особенную, самостоятельную, индивидуальную *форму*.

Θ. Смирновъ.